

Иностранцев К.А.

Торжественный выезд Фатимидских халифов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И68

И68 **Иностранцев К.А.**
Торжественный выезд Фатимидских халифов / Иностранцев К.А. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 117 с.

ISBN 978-5-518-06581-9

ISBN 978-5-518-06581-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Введеніе.

Изученіе исторіи внѣшняго быта и искусства мусульманскаго Востока. Незаботанность фактическаго матеріала и методовъ. Вещественные и литературные источники. Обычный приѣмъ обобщенія литературныхъ источниковъ. Необходимость монографическаго изученія. Особая важность литературнаго источниковѣднія исторіи внѣшняго быта и искусства въ эпоху халифовъ. Группы литературныхъ памятниковъ. Приѣмы работы надъ литературными источниками. Переводы внѣшне-бытовыхъ текстовъ и ихъ трудность: терминологія и конъектуральная критика, описанія предметовъ и пр. Пересказы описаній. — Преимущественный интересъ къ внѣшне-бытовымъ и художественнымъ даннымъ въ настоящей работѣ. Особая типичность Фатимидской эпохи. Разсказъ о Фатимидскомъ выѣздѣ у Макризи и источники его. Изученіе топографіи средневѣковаго Каира. Сходныя сообщенія Ибн-Тагри-бирди и Калькашанди. Составленіе церемоніальныхъ записей и характеръ нашего описанія. Типичность новгороднаго выѣзда. Указанія текста на время окончательнаго сложенія церемоніала. Ближайшая цѣль нашей работы. Назначеніе приложеній. — Описаніе выѣзда Видарскаго султана у Афанасія Никитина.

Исторія внѣшняго быта и искусства мусульманскаго міра — одинъ изъ важныхъ отдѣловъ общей исторіи культуры этой части человѣчества — до недавняго времени привлекала къ себѣ весьма мало вниманія. Нѣкоторыя части ея, такъ или иначе связанныя съ тѣми областями научнаго востоковѣднія, которыя считались болѣе важными, находили, разумѣется, интересовавшихся и занимавшихся ими; но эти занятія носили по преимуществу случайный и попутный характеръ. Лишь по расширеніи культурно-историческихъ работъ въ этой обширной области, была признана важность и этого отдѣла изученій. Однако, при небольшомъ числѣ востоковѣдовъ вообще, исторія внѣшняго быта и искусства мусульманскаго міра насчитываетъ и по сіе время немногихъ спеціалистовъ. Особенно это чувствуется въ первой части т. е. въ исторіи быта; исторія искусства, вслѣдствіе болѣе доступности для не-востоковѣдовъ по спеціальности т. е. для лицъ, незна-

комыхъ съ восточными языками, но могущихъ, однако, принести въ данномъ случаѣ существенную пользу (къ таковымъ мы относимъ такъ называемыхъ общихъ историковъ искусства, архитекторовъ и пр.), — располагаетъ бѣльшимъ количествомъ работниковъ. При этомъ нужно все же отмѣтить, что, разъ признана важность данной научной дисциплины, даже ограниченное число занимающихся, не можетъ остановить начатаго дѣла. Постояннымъ побужденіемъ къ дальнѣйшей работѣ служатъ основныя сочиненія общаго культурно-историческаго характера, — къ таковымъ напр. принадлежитъ извѣстное классическое сочиненіе А. Кремера о культурной исторіи Востока въ эпоху халифовъ¹⁾, — намѣтившія рядъ вопросовъ, нуждающихся въ детальной разработкѣ.

При признаніи важности изученія исторіи внѣшняго быта и искусства, признаніи, возникшемъ благодаря расширенію культурно-историческихъ интересовъ, мы, кромѣ трудовъ общаго характера, располагаемъ уже цѣльными монографіями, освѣщающими ту либо иную, наиболѣе заслуживающую вниманія сторону²⁾. Изъ болѣе раннихъ подобнаго рода монографій мы можемъ назвать напр. прекрасную работу о мусульманскихъ глиптикѣ и металлическихъ издѣліяхъ Ж. Рено³⁾ или глоссарій арабскихъ одеждъ Р. Дози⁴⁾, — оба сочиненія, кромѣ подробной разработки избранныхъ ими темъ, даютъ также интереснѣйшія сообщенія по исторіи быта, вѣрованій и пр. Изъ болѣе позднихъ работъ можно назвать — А. Шакка объ искусствѣ испанскихъ и сицилійскихъ арабовъ⁵⁾, I. Карабацека о ткацкихъ издѣліяхъ на средневѣковомъ мусульманскомъ Востокѣ⁶⁾, Ф. Шварцлозе объ оружіи до-мусульманскихъ арабовъ⁷⁾ и др. При существованіи, однако, необозримаго матеріала, еще подлежащаго разработкѣ, эти прекрасныя монографіи должны быть названы лишь весьма рѣдкими

1) А. v. Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Wien, I, 1875, II, 1877

2) Библиографическія данныя можно найти въ «Матеріалахъ для библиографіи мусульманской археологіи. Изъ бумагъ бар. В. Г. Тизенгаузена», изданныхъ Я. И. Смирновымъ и мною въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія (цитируемыхъ далѣе подъ инициалами ЗВО), т. XVI.

3) J. Renaud, *Monuments arabes, persans et turcs du cabinet de M. le duc de Blacas et d'autres cabinets, considérés et décrits d'après leurs rapports avec les croyances, les mœurs et l'histoire des nations musulmanes*, I—II, Paris, 1828.

4) R. Dozy, *Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes*, Amsterdam, 1845.

5) A. F. Graf von Schack, *Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien*, I—II, Zweite Auflage, Stuttgart, 1877.

6) J. Karabacek, *Die persische Nadelmalerei Susandschird. Ein Beitrag zur Entwicklungs-Geschichte der tapisserie de haute lisse*, Leipzig, 1881.

7) F. W. Schwarzlose, *Die Waffen der alten Araber aus ihren Dichtern dargestellt. Ein Beitrag zur arabischen Alterthumskunde, Synonymik und Lexicographie*, Leipzig, 1886.

явленіями. Массѣ неразработаннаго фактическаго матеріала отвѣчаетъ также неразработанность приѣмовъ, съ которыми должно изслѣдовать этотъ фактическій матеріалъ. На этой сторонѣ дѣла стоитъ нѣсколько остановиться.

При всякомъ историческомъ изученіи прежде всего возникаетъ вопросъ объ источникахъ. Источники исторіи быта и искусства какой бы то ни было эпохи и какого бы то ни было народа, раздѣляются при первомъ же разсмотрѣніи на двѣ обширныя группы—источниковъ вещественныхъ и литературныхъ¹⁾. Первая группа, вслѣдствіе опять таки болѣе своей доступности, какъ вообще, такъ и въ нашемъ частномъ случаѣ изученія мусульманскаго міра, имѣетъ болѣе количество работниковъ. При изученіи второй группы источниковъ необходимо обратиться къ изученію письменныхъ памятниковъ, что требуетъ, разумѣется, предварительнаго знакомства съ тѣмъ языкомъ, на которомъ эти памятники написаны, т. е. въ нашемъ случаѣ нѣкотораго знакомства съ однимъ изъ языковъ мусульманскаго Востока. Могущихъ отвѣтить этому требованію всегда было очень немного. Наша работа, однако, входитъ именно въ эту область *литературнаго источниковѣдѣнія исторіи внѣшняго быта и искусства мусульманскаго Востока*. Поэтому, на эту сторону дѣла намъ нужно обратить преимущественное вниманіе.

Въ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ трудахъ по исторіи быта въ русской исторической литературѣ — въ сочиненіи И. Е. Забѣлина²⁾ о домашнемъ бытѣ Московскихъ царей и въ сочиненіи Д. Θ. Бѣляева³⁾ о приѣмахъ и выходахъ Византійскихъ василевсовъ — были высказаны нѣкоторыя, касающіяся работъ подобнаго рода мысли, упомянуть которыя здѣсь своевременно. Отмѣчаемъ слѣдующія соображенія И. Е. Забѣлина (стр. XIII), касающіяся общихъ приѣмовъ разработки бытовой исторіи. «Обыкновенный способъ обработки бытовой исторіи», пишетъ онъ: «заключается въ томъ, что разновременные, разномѣстные и разнословные бытовые факты сводятъ подъ извѣстное оглавленіе и такимъ образомъ составляютъ рассказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни. При

1) Въ этомъ отношеніи художественно-бытовые занятія особенно важны для исторической методики, давая возможность даннымъ литературнымъ провѣрять данными вещественными и обратно, чего въ остальныхъ областяхъ исторической науки мы сдѣлать не можемъ. На эту важность указалъ еще въ 1878 г. выдающійся русскій историкъ А. Г. Брикнеръ—«Недостаточное развитіе этой отрасли исторической науки объясняется отсутствіемъ точныхъ понятій о теоріи исторіи, о предѣлахъ, предметахъ и приѣмахъ исторіи» (Труды III Археологическаго съѣзда, I, Кіевъ, 1878, стр. 41).

2) И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст., 3-ье изданіе, Москва, 1895.

3) Д. Θ. Бѣляевъ, Ежедневные приемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв. (Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, новая серія, т. VI), СПб. 1892.

первоначальныхъ работахъ такой способъ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ обобщеніемъ фактовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ или долженъ представлять какъ бы общую черту, не выясняя однакожъ того или другаго общаго типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа въ извѣстный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема. Намъ кажется, что этимъ способомъ мы едва ли получимъ надлежащее, истинное понятіе о свойствахъ и типическомъ характерѣ прожитой жизни, что изслѣдованія наши мы начинаемъ съ конца, а не съ начала, ибо составляемъ характеристику общаго типа въ то время, когда намъ вовсе неизвѣстны типы частные, къ которымъ всегда относится самая наибольшая часть собираемыхъ нами фактовъ и *общее* которыхъ, одно оно, только и можетъ характеризовать общій типъ народной жизни. Поэтому, намъ кажется, мы должны остановить свое вниманіе прежде всего на изученіи этихъ частныхъ типовъ, мы должны непременно раскрыть ихъ, если бы и не были они замѣтны на первый поверхностный взглядъ»¹⁾. Въ томъ же духѣ высказался и Д. О. Бѣляевъ (стр. 5) отмѣтившій, что смѣшеніе всѣхъ эпохъ въ одну общую эпоху приводитъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ, что при разсмотрѣніи того или другаго бытового явленія всегда необходимо имѣть въ виду время, къ которому оно относится

1) Приводимъ еще нѣсколько цитатъ изъ той-же книги, вполне отвѣчающихъ нашей точкѣ зрѣнія. «Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ. Требуется особенное вниманіе и страшно копотливая работа только для того, чтобы собрать въ одно мѣсто необходимый матеріалъ... Но еще труднѣе дать этому матеріалу научную форму, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы облегчить послѣдующія работы, т. е. разобрать, распредѣлить этотъ матеріалъ, связать въ одно научное цѣлое, чтобъ самъ онъ, помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорилъ заключительное слово, т. е. научный выводъ, результатъ изслѣдованія. Все это представляетъ неимоверныя трудности особенно по той причинѣ, что какъ ни велико множество матеріаловъ этого рода, оно все-таки отличается замѣчательною неполнотою. Вы ежеминутно встрѣчаете пробѣлы, самые мелочные, но одна-кожъ такіе, которые затрудняютъ дѣло до невѣроятности. Добросовѣстное отношеніе къ фактамъ не позволяетъ вамъ двинуться съ мѣста по случаю такихъ пробѣловъ и работа при всемъ вашемъ усиліи не достигаетъ этого желаннаго заключительнаго слова» (стр. XII—XIII). Когда «будутъ раскрыты частные типы, то общій типъ народной жизни не замедлитъ раскрыться самъ собою и только тогда будутъ возможны полныя и вѣрныя характеристики не только частныхъ, но и общественныхъ формъ народнаго быта» (стр. XVI). «Въ мелочахъ яснѣе и полнѣе раскрываются свойства каждаго предмета, а тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о характеристикѣ человѣческаго быта, о характеристикѣ нравовъ, обычаевъ, домашнихъ положеній и условій жизни... Мелочи старой жизни кладутъ краски и тѣни въ нашихъ представленіяхъ объ историческомъ бытѣ народа, образуютъ, если можно такъ сказать колоритъ въ исторической картинѣ, и во всякомъ случаѣ ничто такъ не способствуетъ образованію наиболѣе вѣрнаго, правильнаго взгляда на прошедшее, какъ эти мелочи, которыя иногда одною чертою рассказываютъ несравненно больше, чѣмъ цѣлое изслѣдованіе... Читатель гораздо больше прочтетъ между строками, какъ это всегда бываетъ при чтеніи сборника бытовыхъ фактовъ» (стр. XIX).

и что чѣмъ тѣснѣе будетъ періодъ времени, къ которому мы отнесемъ данное въ источникѣ бытовое явленіе, тѣмъ будетъ вѣрнѣе.

Эти теоретическія соображенія вполне примѣнимы и къ исторіи быта мусульманскаго Востока, въ частности той эпохи, которая имѣетъ особое значеніе въ нашемъ случаѣ. Эпоха халифата, эпоха, прибавимъ, наиболѣе сильнаго сліянія бытовыхъ формъ, какое, можетъ быть, знала мусульманская культура за все время своего существованія,—нашла блестящее обобщеніе въ вышеупомянутомъ трудѣ А. Кремера. Здѣсь, изъ богатаго и разнообразнаго собранія литературныхъ источниковъ, была дана соотвѣтствующая бытовая картина, за которую, какъ и за многое другое, это сочиненіе вполне заслуживаетъ названіе классическаго. Но вслѣдъ за появленіемъ его, тотчасъ же возникла необходимость детальнаго изученія затронутыхъ въ немъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ этимъ, сплошь да рядомъ, иное освѣщеніе ихъ, иногда даже полная перестановка. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта задача уже выполняется; въ отношеніи же исторіи внѣшняго быта и искусства мы до сего времени такихъ работъ не имѣемъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно установить, коснувшись общихъ задачъ интересующей насъ научной дисциплины.

Итакъ, признавъ детальное, монографическое изученіе — единственно возможнымъ и должнымъ при занятіяхъ литературнымъ источниковѣдѣніемъ исторіи быта и искусства въ эпоху халифатовъ, мы должны обратиться къ тѣмъ особенностямъ, которыя представляетъ это изученіе въ данномъ случаѣ. Въ особенно благоприятныхъ условіяхъ находятся занятія тогда, когда матеріалъ вещественный и матеріалъ литературный имѣются въ одинаковой полнотѣ и изслѣдователь можетъ данныя одной части источниковъ пояснять данными другой. До насъ уже было, однако, указано¹⁾, что вещественныхъ памятниковъ искусства и быта мусульманскаго средневѣковья имѣется въ нашемъ распоряженіи далеко не въ изобиліи (сравнительно конечно)²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ болѣе важное значеніе приобрѣтаютъ въ такомъ случаѣ памятники литературные³⁾, хотя тѣмъ сложнѣе представ-

1) Karabacek, Susandschird, 1: «Denkmäler der vergangenen Kunstepochen des saracenischen Mittelalters gehören überhaupt zu den Seltenheiten».

2) Сводъ этимъ вещественнымъ памятникамъ, особенно по отношенію къ средневѣковому Египту, данъ въ книгѣ Stanley Lane Poole, *The art of the Saracens in Egypt*, London, 1886. Тутъ же имѣются нѣкоторыя сопоставленія вещественныхъ данныхъ съ литературными.

3) Аналогичное заявленіе относительно памятниковъ карловингскаго искусства дѣлаетъ J. Schlosser, *Beiträge zur Kunstgeschichte aus den Schriftquellen des frühen Mittelalters*, Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften, B. 123, Wien, 1891, ss. 1—2. При отсутствіи вещественныхъ памятниковъ, онъ указываетъ на Quellenforschung.

ляется работа надъ ними. Эпоха халифатовъ, во многихъ отношеніяхъ являющаяся наилучше разработанной изъ всѣхъ эпохъ исторіи Ислама, въ этомъ отношеніи представляетъ большія затрудненія для занимающихся ею. Считаясь, однако, съ существующимъ положеніемъ матеріаловъ, необходимо обратить особое вниманіе на характеръ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ и, при возможности опредѣлить различныя ихъ группы, указать методъ, который можно избрать въ томъ или иномъ случаѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ разъясненію этихъ вопросовъ, мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на соотвѣтствующемъ изученіи литературнаго источниковѣдѣнія исторіи искусства западно-европейскаго средневѣковья. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой стороны дѣла проф. Ю. Шлоссеръ, выпустившій особую хрестоматію, заключающую въ себѣ рядъ текстовъ по исторіи средневѣковаго искусства¹⁾, попытался во введеніи къ этой книгѣ дать классификацію этихъ текстовъ (стр. VIII слѣд.). Изъ его перечисленій мы можемъ убѣдиться въ значительномъ богатствѣ и разнообразіи источниковъ для исторіи европейскаго искусства въ письменныхъ памятникахъ. Раздѣливъ всю обширную литературу на три главныя группы — теоретическихъ, историческихъ и эстетическихъ сочиненій, онъ перечисляетъ различные виды художественно-историческихъ описаній, среди которыхъ мы находимъ и особаго рода надписи къ произведеніямъ искусства, и описанія художественныхъ издѣлій въ поэзіи, и таковыя же описанія въ историческихъ трудахъ, и инвентари²⁾, и особыя монографіи о выдающихся памятникахъ, и итинераріи, и топографическія описанія и пр. Подобная классификація является возможной уже при разобранномъ и ясномъ матеріалѣ.

Обращаясь къ литературнымъ источникамъ исторіи быта и искусства въ эпоху халифатовъ т. е. преимущественно къ памятникамъ арабской литературы, мы не только не можемъ дать подобнаго рода классификаціи, но должны констатировать полную перазобранность источниковъ въ этомъ отношеніи. Всѣ извлеченія, которыми мы можемъ въ настоящее время пользоваться, относятся почти исключительно къ одному виду литературныхъ

1) J. Schlosser, Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters; ausgewählte Texte des vierten bis fünfzehnten Jahrhunderts, Wien, 1896. (VII Band въ серіи Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit, Neue Folge, касающейся западноевропейскаго искусства и весьма интересной съ точки зрѣнія литературнаго источниковѣдѣнія).

2) Относительно этого богатѣйшаго отдѣла литературнаго источниковѣдѣнія имѣется въ настоящее время большой трехтомный трудъ Mély et Bishop, Bibliographie générale des inventaires imprimés, Paris, 1894, гдѣ, конечно, говорится лишь объ европейскихъ инвентаряхъ.

памятниковъ — именно къ сочиненіямъ историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Выписки дѣлались почти исключительно изъ лѣтописей и другихъ историческихъ сочиненій, иногда даже безъ приведенія текста; въ цѣляхъ же объясненія къ отдѣльнымъ словамъ сообщались лексическія данныя. Далѣе этого изученіе не шло. Кромѣ того, среди этой группы историческихъ сочиненій не были указываемы и особо выдѣляемы тѣ изъ нихъ, которыя даютъ сравнительно съ другими болѣе богатый матеріалъ и не были отмѣчаемы такія, которыя ничего не даютъ въ этомъ отношеніи¹⁾. Наконецъ, матеріалъ историко-художественный не отдѣлялся, поскольку это возможно, отъ матеріала историко-бытового. Всѣ эти задачи предоставлены рѣшенію будущаго. При всемъ томъ нельзя сказать, что мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи матеріаловъ по вѣдѣнне-бытовой и художественной исторіи мусульманскаго Востока, доступныхъ и для не-востоковѣдовъ. Среди собранія подобнаго рода матеріаловъ, несомнѣнно на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены капитальные труды знаменитаго французскаго ориенталиста Э. Катрмера объ исторіи монголовъ въ Персіи²⁾ и объ исторіи Мамлюкскихъ султановъ въ Египтѣ³⁾. Согласно господствовавшимъ въ его время приемамъ работы⁴⁾, Катрмеръ собралъ, исключительно въ примѣчаніяхъ къ даннымъ имъ переводамъ историческихъ текстовъ, рядъ цѣнныхъ выписокъ изъ различныхъ мусульманскихъ историковъ; тутъ идетъ дѣло о различныхъ памятникахъ быта и искусства, могущихъ дать разнообразныя и богатые матеріалы занимающимъ въ этой области. Необходимо отмѣтить, однако, что пользованіе этими сочиненіями затруднено до чрезвычайности — не только не имѣется никакихъ указателей, но даже оглавленія, которое хотя немного помогло бы ориентироваться. Чтобы узнать — какіе матеріалы имѣются въ этихъ книгахъ, нужно внимательно просмотрѣть ихъ съ начала до конца.

Другіе литературные источники, кромѣ собственно-историческихъ сочиненій, почти совершенно не были затронуты. Даже не выяснено, имѣются-ли въ иного рода источникахъ матеріалы для этой стороны дѣла⁵⁾.

1) Нѣкоторыя замѣчанія въ этомъ отношеніи относительно западноевропейскихъ лѣтописей см. у Schlosser, Quellenbuch, XVII.

2) E. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, I, Paris, 1836.

3) E. Quatremère, Histoire des sultans Mamlouks de l'Egypte, Paris, I, 1, 1837, I, 2, 1840, II, 1, 1842, II, 2, 1845.

4) Объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ въ отношеніи къ теоретическимъ вопросамъ разработки исторіи быта и искусства по литературнымъ даннымъ см. интересную статью французскаго историка Ch. Langlois, Les travaux sur l'histoire de la société française au moyen âge d'après les sources littéraires, Revue Historique, t. 63, 1897, pp. 211—266. Ср. его-же, La société française au XIII-me siècle d'après dix romans d'aventure, Paris, 1904, Introduction.

5) Сравнительно извѣстностью пользуется такъ называемый «инвентаръ Мустансыра» — напр. Stanley Lane Poole, о. с. 10. Но это собственно не настоящій инвентарь,

Конечно, и въ историческихъ сочиненіяхъ мы можемъ найти еще очень много неиспользованныхъ и совершенно неизвѣстныхъ свѣдѣній.

Установивъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ существованіе различныхъ группъ среди литературныхъ источниковъ бытовой и художественной исторіи, намъ нужно также опредѣлить тѣ приемы, при помощи которыхъ можно использовать эти источники. Здѣсь прежде всего представляются двѣ точки зрѣнія — можно руководствоваться даннымъ бытовымъ или художественнымъ явленіемъ и можно руководствоваться даннымъ историческимъ текстомъ. Въ первомъ случаѣ, изъ ряда источниковъ — хотя бы сходнаго содержанія, напр. лѣтописей — выбирается все, имѣющее отношеніе къ данному бытовому или художественному факту. Во второмъ случаѣ, выбираютъ всѣ бытовые и художественные факты изъ даннаго литературнаго источника. Къ этому-же случаю относится и переводъ того или иного рода текста. Обращаясь теперь къ исторіи мусульманскаго Востока, мы, въ немногихъ работахъ историко-бытового и историко-художественнаго содержанія, находимъ примѣненія обоихъ приемовъ (напр. первого — въ вышеприведенномъ глоссаріи Дози, второго — въ пересказѣ Катрмера такъ пазываемаго «инвентаря Мустансыра»). Нужно, однако, отмѣтить, что все-же значительно большее количество работъ приходится отнести къ первой группѣ. Переводовъ, особенно критическихъ, снабженныхъ комментаріями, доказывающими ту либо иную точку зрѣнія на текстъ, мы, можно сказать, вовсе не имѣемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются и должны имѣть мѣсто пересказы текстовъ, о чемъ, впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай говорить далѣе.

На вопросѣ о переводахъ такъ называемыхъ «реальныхъ», т. е. внѣшне-бытовыхъ текстовъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться, такъ какъ наша тема принадлежитъ именно къ этой группѣ. Выше мы уже приводили мнѣніе одного изъ знатоковъ въ обращеніи съ подобнаго рода матеріалами и здѣсь только отмѣтимъ, что его слова отпосились собственно къ русскимъ источникамъ. Когда-же приходится работать съ источниками иноязычными,

а лишь перечисленіе главнѣйшихъ предметовъ, расхищенныхъ при Мустансырѣ изъ халифской казны. Это перечисленіе включено въ тѣ главы Макризи, которыя касаются сокровищницъ Фатимидовъ и были пересказаны въ свое время Quatremère'омъ (въ *Mémoires géographiques et historiques sur l'Egypte*). Мы, въ примѣчаніяхъ и приложенияхъ къ переведенному нами тексту, использовали эти главы Макризи. Интересная опись имущества вельможи Аббасидской эпохи сохранилась у Якута — см. *Jâcûts geographisches Wörterbuch*, hg. von F. Wüstenfeld, II, 414, 50 — 414, 50 (арабскій текстъ) и C. Barbier de Meynard, *Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse*, Paris, 1861, 241 (французскій переводъ; замѣтимъ однако, что какъ въ предметахъ, такъ и въ числахъ, текстъ изданія и текстъ перевода весьма различны). Эта опись относится къ халифату Муктадира, къ 301 г. Х. (913—914 по Р. Х.).

дѣло, разумѣется, еще болѣе усложняется. Къ этому позволимъ себѣ добавить, что подобная работа надъ восточными текстами еще значительно труднѣе, чѣмъ подобное же изслѣдованіе текста, написаннаго хотя-бы на одномъ изъ классическихъ языковъ: оставляя даже въ сторонѣ болѣшую графическую и грамматическую трудность, приходится считаться съ отсутствіемъ необходимыхъ для облегченія работы пособій. Всегда нужно имѣть въ виду то, что цѣлый рядъ такъ называемыхъ вспомогательныхъ историческихъ знаній совершенно не разработанъ въ исторіи Востока и что, вслѣдствіе этого, приходится иногда останавливаться надъ вопросами, которые, при иныхъ условіяхъ, сравнительно легко могли-бы быть разрѣшены. Переходя далѣе къ приемамъ работы надъ внѣшне-бытовыми текстами, мы не будемъ долго останавливаться надъ этимъ вопросомъ въ виду того, что эти приемы ничѣмъ существенно не отличаются отъ приемовъ обыкновенныхъ научныхъ переводовъ. Намѣтимъ лишь нѣкоторыя типичныя черты. Необходимо на первый планъ выставить громадное значеніе *терминологіи*. При чтеніи подобныхъ текстовъ, бытовые и художественные термины являются самымъ главнымъ препятствіемъ. Даже наличность необходимыхъ пособій — пахожденіе даннаго слова въ какомъ-нибудь словарѣ, предложенное уже кѣмъ-нибудь на основаніи другого текста значеніе и пр., — все это иногда не можетъ помочь дѣлу. Вопреки обычной работѣ надъ переводами, тутъ не помогаетъ и контекстъ. Приходится подыскивать мѣста, гдѣ это слово упомянуто въ подобномъ же значеніи; для этого же надо выйти за предѣлы даннаго текста, иногда и даннаго сочиненія. Кромѣ того, тотъ путь, которымъ дошли до насъ эти термины, сложенъ и опасенъ. Культурныя названія сплошь да рядомъ заимствуются изъ чужихъ языковъ; воспринимаются пародомъ въ измѣненномъ видѣ; опять-таки иначе заносятся въ письменность. Ореографическая устойчивость подобныхъ словъ принадлежитъ къ разряду пайболѣе шаткихъ. У самого автора какого-нибудь сочиненія внѣшне-бытовой терминъ можетъ быть ошибочно записанъ, какъ вслѣдствіе простой, наиболѣе возможной въ данномъ случаѣ ошибки, такъ и вслѣдствіе вышеупомянутой ореографической неустойчивости. Переходя отъ переписчика къ переписчику, терминъ можетъ измѣниться до полной неузнаваемости, при чемъ современный ученый, при разборѣ текста, очень часто совершенно не можетъ сказать — имѣеть-ли онъ дѣло съ различной системой начертанія, или съ ошибкой. О порчѣ начертанія при перепискѣ мы распространяться не будемъ—это слишкомъ обычный фактъ для текстовъ не только внѣшне-бытового содержанія. Для возстановленія истиннаго смысла непонятнаго слова представляется одинъ путь—*контекстура*, и тутъ работа надъ этими текстами вступаетъ въ наиболѣе сложныя

условія. Коньектуральная критика, требующая особой осторожности въ примѣненіи и заслуженно вызывающая иногда скептическое къ себѣ отношеніе, полновластна во внѣшне-бытовыхъ текстахъ. Какъ пониманіе термина изъ сопоставленія аналогичныхъ мѣстъ, такъ и коньектура его, являются необходимымъ спутникомъ чтенія внѣшне-бытовыхъ текстовъ не только рукописныхъ, но и изданныхъ, и при томъ изданныхъ критически. Ничто не затрудняетъ такъ издателя какъ термины; болѣе-же всего, думаемъ мы, именно термины внѣшне-бытовые, такъ какъ ихъ, при крайнемъ разнообразіи, не найти ни на какой картѣ, весьма рѣдко—въ специальныхъ глоссаріяхъ. Въ послѣдующемъ мы будемъ имѣть неоднократно случай представить этому фактическія доказательства. Но не одна только терминологія представляетъ затрудненія при чтеніи внѣшне-бытовыхъ текстовъ; случается, что при ясности грамматическаго строя и значенія терминовъ, смыслъ фразы все же остается непонятенъ. Мы разумѣемъ — *описаніе предметовъ*. Когда не удовлетворяющее насъ описаніе можетъ быть проверено и дополнено самимъ описываемымъ или сходнымъ съ нимъ предметомъ, тогда особыя затрудненія устраняются. Но, при сравнительной рѣдкости самихъ вещей, постоянно приходится имѣть дѣло лишь съ одними описаніями. Въ такомъ случаѣ, во-первыхъ можетъ быть неудовлетворительно самое описаніе, потому что текстъ сплошь да рядомъ недостаточно точно и подробно описываетъ предметъ, который какъ могъ быть плохо понятъ описывавшимъ авторомъ, такъ и казаться слишкомъ обычнымъ и извѣстнымъ для того, чтобы заслуживать подробнаго описанія. Во вторыхъ, затрудненіе можетъ встрѣтиться въ самомъ переводчикѣ—бываетъ трудно, оторвавшись, такъ сказать, отъ текста, мысленно возстановить предметъ, который никогда не былъ передъ глазами. Мы не будемъ останавливаться на иныхъ трудностяхъ подобныхъ внѣшне-бытовыхъ описаній: неудовлетворительномъ состояніи текста, гиперболичности числовыхъ данныхъ, невыясненности метрологіи и пр. Въ дальнѣйшей нашей работѣ мы будемъ неоднократно встрѣчать примѣры затрудненій подобнаго рода.

Въ цѣляхъ опредѣленія различныхъ видовъ работы надъ внѣшне-бытовыми текстами, мы можемъ указать, что рядомъ съ наиболѣе желательнымъ видомъ работы, критическимъ переводомъ, такое же право на существованіе имѣетъ и пересказъ описаній. Дѣло въ томъ, что иногда, мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія, причемъ, однако, безразлично въ рукописи или въ печати, состояніе текста не даетъ намъ возможности, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ недостатковъ, установить точно смыслъ всего текста. Въ такомъ случаѣ, въ ожиданіи свѣрки рукописей или новаго, критическаго изданія, работы, за которую приняться по чему-либо не удобно, можно